

УДК 398(47)
ББК Ш 23(2)
С12

Т. В. САВЕЛЬЕВА
(Миасс)

СОВРЕМЕННАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению некоторых традиционных мотивов в южноуральской мифологической прозе XXI века и мифологизации событий в современном фольклорном пространстве на примере падения Чебаркульского метеорита.

Ключевые слова: городская мифология, мифологизация события, слухи и толки.

Возникновение городской мифологии — следствие особого восприятия города, его обживания и своеобразного «приручения» жителями. Она является, с одной стороны, продолжением традиционных мифологических верований и содержит в себе элементы глубокой архаики, с другой — порождением новых условий городской цивилизации. Жанровый состав городской мифологии в XXI в. разнообразен: традиционная (хотя и модифицированная) быличка, современные предания, приметы и ритуалы (как общегородские, так и связанные с определенными субкультурами), а также слухи, сплетни, толки и другие разновидности неофольклорной прозы. В целом это «тематически пестрый конгломерат слабо структурированных “разговорно-речевых” текстов, доминантой которых является информативная функция и, соответственно, установка на достоверность» [Неклюдов 1998]. Демонология, по мнению С. Ю. Неклюдова, самая устойчивая часть мифологической традиции. Говоря о ее истоках, автор приводит в пример чуаньци — краткие сообщения, которые в древнем и средневековом Китае назывались «рассказами об удивительном». Несмотря на свою архаичность, подобные тексты (в русском фольклоре — в виде устных мифологических рассказов), «не прерываясь в развитии, вероятно, с самого зарождения повество-

вательных традиций», лишь несколько меняя предмет изображения, сохраняют «важнейшие структурно-семантические и функциональные признаки» [Там же].

Внимание современных исследователей мифологической прозы сосредоточено на типологии персонажей мифологических рассказов [Петров 2009], изучении набора мифологических функций и признаков этих персонажей [Ефимова 1992], анализе структуры устных демонологических рассказов ([Лурье 2002] и др.), трансформации традиционных представлений о сверхъестественном в городской среде ([Неклюдов 2003, 2005; Байдуж 2012] и др.), рассмотрении современных магических практик и ритуалов в городе ([Христофорова 2012] и др.).

Объект нашего исследования — современная мифологическая проза Южного Урала, городов горнозаводской зоны: Миасса, Каслей, Кыштыма, Чебаркуля, Златоуста. Население городов — от 40 до 150 тыс. человек. Областной центр — Челябинск — город-миллионник. Материалом послужили тексты, записанные студентами Миасского филиала Челябинского государственного университета во время фольклорных практик 2009—2012 гг., а также собранные в социальной сети «ВКонтакте» и разговорах с людьми (личный архив автора). Среди информантов присутствуют люди разного возраста (студенческая и рабочая молодежь, люди средних лет, пенсионеры) и образования (как гуманитарного, так и технического). Можно отметить, что возраст фактически не влияет на склонность к мистическим рассказам. Актуализация таких рассказов отмечается после падения Чебаркульского метеорита. По мнению И. А. Голованова, «обращение к мифо-фольклорным мотивам объясняется тягой сознания современного человека к непознанному. Именно они позволяют удовлетворить интерес к необычному, снять страхи, которые охватывают современного жителя городов и мегаполисов» [Голованов 2009].

Поздняя демонологическая традиция, нашедшая отражение в современных мифологических рассказах, обычно предполагает территориальную локализацию: сюжеты городской мифологической прозы чаще всего привязаны к

«Ничего так не бодрит, как с утра метеорит»: жизнь традиции в современной культуре

конкретным местам в пространстве города и его окрестностей. Так, «в уральских региональных СМИ для удовлетворения тяги людей к удивительному, необъяснимому характерно обращение к местным достопримечательностям — тайнам Аркаима, Таганая, Невьянской башни и других. В осмыслении данных локусов наука нередко дает основу для возникновения слухов и толков, а фольклорное сознание определяет место этих слухов в системе представлений» [Там же].

Безусловно, устные рассказы о сверхъестественном сегодня испытывают влияние урбанистической среды, однако в основе их лежат традиционные фольклорные схемы. По мнению С. Ю. Неклюдова, «многие тематические и стилистические совпадения объясняются не прямым генетическим родством, а конвергентным приобретением сходных признаков» [Неклюдов 2003, 15]. В частности, современной мифологической прозой используется традиционная фольклорная схема построения пространственной оппозиции «свой — чужой». Существует мнение, что в отличие от традиционного фольклора в городской среде расположение мифологизируемых локусов фиксируется не столько горизонтально (противопоставление старой и новой части города, центра и окраины), сколько вертикально (мифологизируются, прежде всего, последние этажи высотных зданий, чердаки, подвалы). Об осмыслении города в его вертикальном измерении пишет, в частности, С. Ю. Неклюдов [Неклюдов 2002]. Однако, изучив материал, собранный в городах Челябинской обл., мы не можем согласиться с таким утверждением. Возможно, оно применимо лишь к большим городам. Так, анализируя «нехорошие места» Челябинска, мы встречаем только одну тему, связанную с оппозицией «верх — низ», — это мифологические рассказы о таинственных подземельях, которые тянутся от театра оперы и балета им. М. И. Глинки (пл. Ярославского, 1) к реке Миасс. Подобная легенда существует о Новосибирском оперном театре, в подземелье которого якобы существует бункер Сталина с огромным запасом продовольствия и разветвленной сетью коммуникаций, связываю-

щих центр с разными районами города. Об этом рассказывает куратор центра устной истории музея Новосибирска [Антропов 2011]. Башен и чердаков, подвалов и домашних подземелий в мифологических рассказах о пространстве маленьких уральских городов нам не встретилось. Возможно, это обусловлено амбивалентностью небольших городов, которые занимают промежуточное положение между сельской и городской культурами [Капкан 2006].

Анализируя собранные нами тексты, можно отметить, что чаще всего «нехорошие места» располагаются не в подвалах и на чердаках домов, не в подземельях и башнях, а на городской периферии: для горнозаводской зоны Южного Урала — это озера, многие из которых находятся в черте города, горные хребты, бывшие рудники и разработки. Например, называются «странные» дыры в земле на территории Ильменского заповедника (находится близ Миасса), аномальные круги в Еловом, на которых никогда не лежит снег, заброшенные разработки полезных ископаемых.

Больше всего записанных слухов связано с самим горным хребтом. В них тема подземелий трансформируется в тему подземных выработок, рудников, тоннелей и т. д. Существуют разные суждения о том, что происходит в тоннелях внутри хребта:

- 1) заключенные возят там тележки с радиоактивными отходами;
- 2) перевозят тележки с золотом в хранилище (Зап. от Ирины Р., 28 лет, 2012 г.) [AA];
- 3) ходит поезд с полезными ископаемыми (Зап. от Евгения З., 25 лет; Ирины Р., 28 лет, 2013 г.) [AA];
- 4) переправляют ракеты или их запчасти (Зап. от Данилы Т., 21 год; Ирины Р., 28 лет, 2013 г.) [AA].

Образ горного хребта как границы между своим и чужим пространством традиционен для фольклора народов, живущих в горах: «гора — центр вселенной, вертикаль (ось) мира, вершины соединяют небо (возвышенное) и землю (обыденное), то есть два мира: божественный и человеческий, переход из одного мира в другой» [Попов 2012, 27]. Символическое значение горы как соединения двух миров — человеческого и ирреального — наблюдается и сегодня в

южноуральской мифологической прозе, поддерживаемое остальными элементами мифологической системы.

При воспроизведении слухов, толков и других слабо структурированных текстов о сверхъестественном речевое поведение информанта определяется действием двух противоположных тенденций: стремлением к точности воспроизведения и в то же время — к отстраненности от рассказываемых событий. Последнее связано с опасением человека, что его примут за лгуна. На практике оказалось очень трудно выявить, верит ли информант в рассказываемое или просто передает услышанное ранее, так как на его собственное высказывание в данном случае ориентироваться невозможно — нужны специальные методики опроса, которыми мы не располагали. Поэтому наши заключения в этом вопросе носят предварительный и, возможно, субъективный характер. На наш взгляд, около 40% информантов верят в то, что рассказывают.

Наименее «правдоподобными» с точки зрения самих информантов выглядят поверья о местных озерах. В основном они были зафиксированы среди молодого поколения, представители которого слышали записанные нами сведения от родителей, бабушек и дедушек. Однако все они говорят, что в детстве были абсолютно убеждены в правдивости этих историй.

«Ааа, кстати, точно, про Тургояк, там же эти, воронки, они кого-то там засасывали, ну и про скопление трупов что-то есть, мол, двойное дно и, мол, утонувшие все скапливаются не просто на дне озера, а где-то ещё ниже» (Михаил П., 25 лет)¹.

«А еще мы друг друга в детстве пугали, что в озерах водятся Сомы-убийцы и сейчас утащат за ноги в глубину :))» (Татьяна П., 24 года)².

«И про Тургояк еще нам рассказывали про какое-то чудовище, которое откусывает ноги или что-то такое, и что даже находили на берегу чьи-то ноги» (Татьяна П., 24 года)³.

Среди текстов иногда встречаются откровенно юмористические, но часто сложно оценить, насколько серьезно

относятся информанты к рассказываемым историям, особенно если это интернет-общение, а не живой разговор. *«Самая страшная страшилка — это река Миасс; говорят, искупавшийся в ней принц или принцесса превращаются в лягушку. Сказка ложь, да в ней намёк... :» (Михаил П., 25 лет)⁴.*

В анализируемых текстах данного типа устойчиво наблюдается социально-психологическая, воспитательная функция. В то время как М. П. Чередникова пишет о выполнении «страшными рассказами» функции преодоления детских страхов [Чередникова 1995], на наш взгляд, в записанных нами рассказах присутствует скорее функция запугивания детей, дабы они не отходили далеко от взрослых и не пытались самостоятельно исследовать окружающее пространство, т. е. не покидали безопасную «свою» территорию и не оказывались бы на «чужой», враждебной. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что большая часть подобных «страшилок» информантами была, по их словам, услышана в детстве от взрослых, а не от ровесников.

Так, многочисленных туристов, любящих побродить на горном массиве Таганай, пугают историей об оживающих камнях. Сюжет бытует в самых разных по полноте вариантах, его часто рассказывают экскурсоводы, записанный нами вариант — отклик на просьбу вспомнить какую-нибудь историю про Таганай:

«Когда-то давно в Уральских горах жил народ — чуди. Пришли на Урал люди, и чуди ушли под землю, но самые отчаянные по ночам выходили на поверхность и убивали людей, разрушали дома, воровали скот. Однажды девушка Айгуль пошла в лес за грибами и заблудилась. Когда девушка не вернулась домой вечером, все мужчины ее деревни бросились в лес на поиски. Всю ночь они искали девушку и ближе к рассвету услышали плач за деревьями. Выскочив на поляну, мужчины увидели Айгуль, которая металась в центре и звала на помощь. Мужчины бросились к ней, но тут из-за деревьев выскочили чуди, завязалась битва. Вдруг чуди бросились бежать, один из них, самый большой, схватил девушку в охапку. В это время над лесом показалось солнце, и чуди окаменели. Мужчины целый день пытались вырубить девушку из каменных объятий, но, когда солнце стало клониться к вече-

¹ Страшилки г. Миасса. URL: http://vk.com/topic-21039_23315824

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

ру, они поняли бесполезность своей затеи и ушли. Остался лишь возлюбленный Айгуль — Таган. Он обратился с молитвой к богу солнца: «Отдай мне мою девушку». — «Но тогда мне придется оживить камни, и они уничтожат все живое. Если согласишься за ними приглядывать, я отдам тебе твою невесту», — ответило солнце. Таган согласился и с последним лучом солнца исчез, а над горами камней неожиданно появилась высокая вершина. Такова одна из легенд возникновения Таганая. Туристов предупреждают, что на Таганай нельзя ходить без опытного проводника, тем более ночью — замотают ожившие камни. И кричать там тоже не следует — проснется Айгуль и начнет звать своим мелодичным голосом. Пойдешь на зов — не вернешься» (Катя Л., возраст неизвестен)⁵.

В современном фольклорном пространстве мифологизации подвергаются также городские объекты. Естественно, что особенно интересные возможности для создания мифологических рассказов, слухов дают старинные здания: они вписываются одновременно в два мира — реальный и иррациональный, так происходит сюжетное развертывание пространства (в жанрах предания, легенды, мифологического рассказа, былички, детской страшилки).

Часто мифологические рассказы, слухи и толки связаны с детскими лагерями, школами, больницами, особенно психиатрическими и онкологическими. Предметом изображения фольклорной прозы обязательно становятся пустующие здания, дома, с которыми связаны несчастные случаи, самоубийства и т. п. В последнее время к этой категории относятся еще и недостроенные, «замороженные» объекты.

Истории о «проклятых» домах с постоянными мотивами самоубийства, замурованных людей и предметов, убийств после ссор родственников и т. д. строятся по традиционным мифологическим схемам. Например, в Миассе «нехорошие дома» сосредоточены больше в Старой части города. Интересны случаи, когда «нехорошость» одного и того же здания объясняется различными легендами, совершенно не связанными друг с другом. Так, например, с одним и тем же зданием в переулке Мостовом

Старой части города связано несколько разных сюжетов:

«По слухам, дом этот готовы были отдать любому, кто в нем ночь проведет и после этого там оставаться захочет. Одно время жилым был первый этаж, а на втором окна были заколочены, но последнее время и первый стоит заброшенным. Говорят, каменщикам, строившим дом, боярин не заплатил за работу — вот они и отомстили»)» (Зап. от Данилы Т., 21 год)⁶.

«Там на углу что-ли есть цыганский дом, то ли голубенький, то ли зелененький, я сейчас точно не помню, и бабушка говорит, что в этом доме водятся привидения и другая нечисть» (Зап. от Карины Х., 20 лет)⁷.

«Про этот дом, на въезде в старую часть, рассказывали, что два брата не поделили наследство, и тот, которому пришлось уйти, проклял дом. И начались в нем ужасы, привидения и жуткие звуки. А потом, вроде бы, оказалось, что тот брат замуровал что-то в трубе, и от ветра вой начинался))) Тем не менее, еще 30 лет назад нижняя половина этого дома была жилой, а в верхней окна заколочены» (Зап. от Инги М., 46 лет)⁸.

Дом построен в начале XX в. В 1970—1980-х гг. он считался средоточием потусторонних сил, однако сегодня существуют и попытки реалистического объяснения сверхъестественных событий:

«В детстве часто слышала, что в старой части есть заброшенный домик, где кто-то воет и вообще там призраки водятся. А потом оказалось, что там кто-то пустую бутылку поставил. И когда ветер дует, она воет» (Зап. от Valentina German, возраст неизвестен, 2013 г.)⁹.

С этим же мотивом замурованной из мести пустой бутылки, которая затем пугает хозяев дома, мы записали еще четыре истории — одну в Златоусте, одну в Кыштыме и две в Челябинске, причем непосредственно от строителей, которые утверждают, что в их среде это обычное дело. Подобные «шутки» строителей не являются региональными. Например, питерский строитель, гастарбайтер из Белоруссии рассказывает:

⁶ Страшилки г. Миасса. URL: http://vk.com/topic-21039_23315824

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

«При строительстве дома в стену замуровывается пустая бутылка любого размера, так, чтобы горлышко выходило наружу (...) Обнаружить замурованную бутылку практически невозможно ни снаружи, ни изнутри дома. При сильных порывах ветра пустая бутылка издаст самый настоящий вой»¹⁰.

Данный сюжет известен как минимум с конца XIX в. [Максимов 1994, 159—160].

С. А. Питина утверждает, что «современные мифологемы более реалистичны, конкретны и кратковременны» [Питина 2013]. Встречаются такие, что создаются намеренно к каким-либо событиям или календарным датам. Например, основываясь на традиционном мифологическом мотиве ворот как границы реального и потустороннего миров, в Челябинске в декабре 2012 г. создали ворота, через которые необходимо пройти всем, кто хочет оказаться в мире, где не будет конца света, предсказанного майя. Ворота выполняют загаданные желания при соблюдении ритуала — нужно подпрыгнуть и ударить по бубну.

В Магнитогорске часто можно услышать истории про красную палатку. Легенда связана со строительством Магнитогорского металлургического комбината. ММК строили кроме комсомольцев еще и ссыльные, тела которых после смерти сбрасывали в котлованы. Старожилы утверждают, что иногда «*брззент, натянутый над стройкой, становился кроваво-красным, поднимался сильный ветер и в его завываниях слышались стоны погибших. Подобную картину можно наблюдать и сейчас, но не всем. Увидеть красную палатку могут только те, чьи родственники погибли на ММК, либо те, кто сам виновен в гибели людей*»¹¹.

Традиционные мистические объекты мифологической прозы постепенно уходят в страшилки, садистские стишки, поверья и приметы. «Маркированность городского пространства является существенной структурной особенностью в целом ряде жанров современного детского фольклора» [Петренко 2013, 64]. Такими объектами становятся

лифты, подвалы, верхние этажи домов, стройки, пустыри, кладбища. Кроме того, эта группа текстов маркирует как опасные и некоторые объекты внутреннего пространства: балконы, шкафы.

Как правило, «обитатели нехороших мест» современного города, кем бы они ни были — душами умерших, домовыми, космическими пришельцами или зелеными человечками, — настроены к людям крайне недоброжелательно. Это не соответствует традициям классического фольклора, где персонажи несказочной прозы могут как вредить, так и помогать встретившимся на их пути. Наименее подверглись какой-либо трансформации представления, связанные с душами умерших. Примерно 80% пришедших на кладбище обходят могилу родственника, вслух или про себя проговаривая ритуальные слова: «Мы к тебе придем, а ты к нам не ходи». Представления о душах умерших являются самой «консервативной частью культуры горожан» [Байдуж 2012, 258].

Традиционные персонажи мифологической прозы в современном городском фольклоре утратили свою актуальность. О домовом вспоминают лишь при переезде, чтобы взять его с собой. Е. Е. Левкиевская пишет об этом, как о мифо-ритуальной идее перенесения доли прежнего жилья на неосвященное пространство [Левкиевская 2008, 342—343]. Исчезли былички о леших, русалках. Горные духи из сказов Бажова воспринимаются как литературные герои, в фольклоре не встречаются хозяйка Медной горы, Кошачьи уши, Огневушка-поскакушка. Однако их место не пустует, его занимают другие мифологические персонажи, выполняющие, по существу, те же традиционные сюжетные функции: охрана кладов и горных богатств, кара жадных и злых, награда добрым, трудолюбивым людям. Например, таковыми можно считать Белого деда, который путает черных золотоискателей в Ильменском заповеднике, духа Пугачева, что охраняет свой клад на озере Янышка с двойным дном. Тема спрятанных сокровищ в современной мифологии очень популярна и актуальна, что подтверждают не только отечественные, но и зарубежные исследователи. Так, болгарский ученый Н. Ненов отмечает равноправность чисто фольклорных и

«Ничего так не бодрит, как с утра метеорит»: жизнь традиции в современной культуре

¹⁰ Почему в квартирах воют стены. URL: <http://smena.ru/news/2007/01/26/9948/>

¹¹ Легенды и мифы Южного Урала. URL: http://urbibl.ru/Stat/Zag_Mesta/anomalniy_hrebet.htm

исторических, фольклоризированных, персонажей в мифологических рассказах о кладах [Непов 2011].

Популярный персонаж современной южноуральской мифологии — Киалимская бабушка, пугающая на Тагане туристов, не соблюдающих правила пребывания в лесу. Былички и слухи о ней ходят с 1980-х гг. Эту бабушку в некоторых рассказах называют также Таганайской. Кто-то видит ее в летней одежде, кто-то в зимней, но обязательно босой. Это единственный из сегодняшних мифологических персонажей Южного Урала, в ком сохранилась традиционная амбивалентность: она может выполнять функцию как антагониста, так и помощника, дарителя:

«Тут туристов всегда Киалимской бабушкой пугают, так вы не бойтесь ее. Она хорошим людям зла не делает, только плохих пугает. А если ей рубль дать, то еще и поможет, знак какой подаст, если заблудитесь, или о погоде плохой предупредит. А киалимской ее прозвали по названию Киалимского кордона, где она раньше жила, корову держала» (Зап. от Олега О., 48 лет, 2013 г.) [AA].

В Кыштыме мы познакомились с рассказами об обнаружении в 1996 г. в одной из ближайших деревень странного существа, инопланетянина. Эта история в свое время многократно излагалась журналистами:

«Первой обнаружила гуманоида местная сумасшедшая. “Прогуливаясь” ночью по кладбищу, она увидела рядом с погостом одинокого малыша и решила забрать его домой. Старушка назвала его “Алешенька” и стала ухаживать за человекоподобным существом, как за приемным сыном. Однако по деревне поползли слухи о том, что у бабушки “обострилось психическое заболевание” и вскоре ее забрали в психбольницу. Любопытства ради, спустя несколько дней, в дом к сумасшедшей забрался местный ворюшка, но существо уже было мертво. По всей видимости, погибло от голода» [Интересные факты 2012 г.].

Девять наших информантов утверждают, что, в отличие от разных мистических рассказов и досужих вымыслов, это является чистой правдой, которая подтверждена независимыми учеными (региональные СМИ писали, что государственная экспертиза инопланетность

многие считают не опровержением слухов, а дополнительным их подтверждением). Лишь трое из информантов лично были знакомы с Тамарой Просвириной, нашедшей «инопланетянина».

«Она и раньше-то была не совсем, а после встречи с Алешенькой заговариваться стала, ее и забрали в психиатричку, а может, специально забрали, потому что лишнее что-нибудь узнала. У нас ведь так, лишнего знать никому не положено» (Зап. от Михаила И., 62 года, 2013 г.) [AA].

«Зря говорить не хочется, но уж очень странно она умерла, после того, как ее Алешеньку забрали. Ее ведь две машины сразу сбили, с двух сторон. А теперь поди сыщи концы какие-нибудь, нету тела, нету Тамарки, которая его нашла. Не пришла, видать, пора нам с инопланетянами встречаться, не доросли» (Зап. от Ирины З., 69 лет, 2013 г.) [AA].

Излюбленный мотив городской мифологии — переосмысление официальных версий тех или иных событий. Страхи, включая массовые, обусловлены не рациональным анализом их возможных причин, а мифологическим осмыслением происходящего и актуализацией мифологем (например, мифологемы катастрофы). Мифологическому сознанию можно приписать и обязательный поиск обывателем лично ответственного за что-либо происшедшее, равно как и преувеличение роли своего участия в событиях.

Рассмотрим процесс мифологизации события на примере падения метеорита 15 февраля 2013 г. в Челябинске и Чебаркуле. Мифологизация выполняет функцию освоения какого-либо явления, избавления от страха неизвестности на фоне дефицита информации или недоверия к ней. Кроме того, для распространения слухов и толков необходим интерес к событию. Функция слуха определена исследователями как заполнение информационного вакуума, утверждение или отрицание какого-либо факта; функция толка — интерпретация факта в соответствии с традиционными представлениями [Разумова 2003]. В советские времена недоверие к официальной информации объяснялось цензурой и малым количеством источников. Казалось бы, это недоверие должно рассеяться сегодня, когда отсутствие цензуры, свобода высказы-

ваний, доступность информации стали основными характеристиками информационного пространства; однако этого не произошло. Собирая слухи и толки о Чебаркульском метеорите, мы часто слышали фразу: «Всё равно нам никто правду не скажет».

В ходе самопроизвольной циркуляции слухов с ними происходят определенные трансформации. Они сводятся к трем тенденциям. Во-первых, может происходить определенное «сглаживание» содержания слуха. Во-вторых, «заострение» его эмоциональных компонентов. В-третьих, своеобразная «адаптация» слуха к особенностям аудитории. Всё это мы можем наблюдать на примере слухов о Чебаркульском метеорите.

Первое, что подвергается мифологизации, — сама суть события. В первые минуты, часы после падения метеорита в Интернете на фоне отсутствия официальной информации появился ряд версий: взрыв самолета, взрыв неправильно запущенной ракеты, неудачные военные учения, НЛО. Впоследствии официальные источники информации не смогли переубедить всех, и спустя месяц в обсуждениях событий мы по-прежнему фиксировали самые невероятные их объяснения:

«Скорее всего, 15 числа разбился НЛО, а нам впаривают всякую ... про метеорит и военные учения! Метеориты всю жизнь падали, и такой кипишь никто никогда не наводил! Десантники пришли на место падения метеорита, смешно!!!) всё странно!! очень!!) на самом деле, в срочном порядке бросить столько людей за тысячи километров, военной техники на "обычные" закрытые учения!! просто так» (Евгений Х.)¹².

«Граждане города Челябинска, поздравляю вас!!! Вы стали свидетелями воздушно-го взрыва вакуумной бомбы!!! Видимо испытательная ракета с "начинкой" сбилась с траектории и вояки уничтожили её!!!» (Зап. от Дмитрий К., 2013 г.) [AA].

«Я думаю, его сбил Огненный Орёл — автоматизированная система защиты земли от метеоритов, находится в Долине Смерти (Елюю Черкечех) на территории Якутии» (Зап. от Алексея И., 31 год, 2013 г.) [AA].

В данном случае возраст и образование не имеют значения, т. е. не толь-

¹² URL: <http://vk.com/rogvit>. В примерах, размещенных на форумах в Интернете, сохранена орфография, пунктуация и графика.

ко «недалекие кумушки» (по Гоголю) противопоставляют свою версию официальной, но и представители образованной элиты. Например, Юлия Латина, обозреватель «Новой газеты», в своей авторской колонке опубликовала статью «А какой бортовой номер был у метеорита?». Позднее текст был снят по просьбе автора. В традиционном субботнем радиоэфире 23.02.2013 Латина извинилась перед слушателями и читателями¹³.

Один из способов мифологизации происходящего как освоения факта — соотнесение его с историей, с уже имевшими место событиями.

«А вы знали, что в 1949 на территорию Челябинской области упал огромный метеорит? Случилось это 21 июня в 8 часов 14 минут по местному времени. Площадь падения осколков метеорита составила около 300 квадратных километров, однако большая его часть обрушилась в озеро Чебакуль (Кунашакского района) и его окрестности» (Зап. от Оксаны Ж., 2013 г.)¹⁴.

«К нам НЛО-то давным-давно заглядывают. Я еще на Миассэлектроработала, иду как-то с ночной смены, а в небе два шара, а от них два усика тянется, я скорее домой и окна все позакрывала, а то ведь столько случаев бывало, когда инопланетяне людей крали» (Зап. от Александры Д., 1941 г.р., 2013 г.) [AA].

Спустя некоторое время началось ироническое осмысление события, которое сопровождалось появлением визуальных шуток, анекдотов, афоризмов и перефразированных паремий:

«Ничего так не бодрит, как с утра метеорит».

«Просто вчера в Лиге Европы победили сразу три российских клуба, чем было нарушено космологическое равновесие планеты».

«Конец света наконец-таки доставлен Почтой России».

«Челябинские жители настолько суровы, что вместо будильника у них ударная волна».

«Челябинский никелевый завод настолько суров, что заказывает поставки руды метеоритами».

«Спонсор метеоритного дождя — ООО "Пластиковые окна"»¹⁵.

¹³ URL: <http://www.novayagazeta.ru/columns/56768.html>

¹⁴ URL: <http://varnaonline.ru/forum/thread51.html>

¹⁵ URL: prikolov.net/prikol/chel-meteor

21–22 июня в Чебаркуле прошла международная научно-практическая конференция «Астероиды и кометы: Челябинское событие и изучение падения метеорита в озеро Чебаркуль». Научные доклады перемежались разговорами в кулуарах, которые добавили в наш архив еще несколько текстов — интерпретаций истории с метеоритом: «...В озере-то у нас инопланетяне плавают. У меня и запись на телефоне есть. Это они метеорит взорвали, а так бы он всю область к чертям снес». Мифологизация экстраординарного события имеет и другой путь его освоения, «приручения» — перевод в русло бытовых магических практик: вода, в которой лежит метеорит, стала целебной и лечит все болезни; осколки метеорита, что продаются предприимчивыми чебаркульцами, надо прикладывать к больным местам, они также способны выполнять желания; выпущена туалетная вода «Аромат метеорита» и т. п.

Рассмотренный нами материал свидетельствует о продуктивности современной мифологической прозы. Образ горного хребта как границы своего и чужого пространства сохраняет свою актуальность в XXI в., с ним связана мифологизация представлений современного горожанина о добыче полезных ископаемых, о взаимоотношении человека и природы. Такую же функцию выполняют образы заброшенного дома, подземелья, городских окраин. В основе современной городской мифологии лежат традиционные фольклорные схемы, сюжеты, мотивы. Популярность мифологических текстов сегодня говорит не столько о сохранении архаичной традиции, сколько о тяге современного человека к иррациональному, а значит, о постепенно нарастающем разочаровании в научно-техническом прогрессе и техногенной цивилизации. Миф по-прежнему служит способом понимания мира, закрепления в нем человека; с помощью мифологизации городского пространства формируется чувство защищенности, безопасности территории.

Литература

Антропов 2011 — *Антропов Е.* Пересказы-ваю, следовательно, существую. URL: [http://](http://siburbia.ru/columns/pereskazyivayu-znachit-sushhestvuyu/)

siburbia.ru/columns/pereskazyivayu-znachit-sushhestvuyu/ (дата обращения: 12.06.2013).

Байдуж 2012 — *Байдуж М. И.* Трансформация традиционных представлений о сверхъестественном в городской среде: опыт сбора и систематизации материала // Фольклористика и культурная антропология сегодня: тезисы и материалы Международной школы-конференции. Москва — Переславль-Залесский. 27 апреля — 2 мая / сост. А. С. Ахметова, С. Ю. Неклюдов, Д. С. Николаев. М., 2012. С. 255—257.

Голованов 2009 — *Голованов И. А.* Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала / автореферат дисс. ... доктора филологических наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/konstanty-folkloronogo-soznaniya-v-ustnoi-narodnoi-proze-urala#ixzz2pBP6LsCN> (дата обращения: 01.01.2013).

Ефимова 1992 — *Ефимова Е. С.* Основные мотивы русских быличек (опыт классификации) // Сказка и несказочная проза. М., 1992. С. 52—61.

Интересные факты 2012 — Интересные факты: инопланетянин Алешенька из Кыштыма // Ящик Пандоры. URL: <http://pandoraopen.ru/2012-02-14/interesnye-fakty-inoplanetyanin-aleshenka-iz-kyshtyma> (дата обращения: 10.06.2013).

Капкан 2006 — *Капкан М. В.* Уральские города-заводы: мифологические конструкты // Гуманитарные науки. Вып. 12. № 47 (2006). URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0047\(01_12.2006\)&xsl=showArticle.xslt&id=a04&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0047(01_12.2006)&xsl=showArticle.xslt&id=a04&doc=../content.jsp)

Левкиевская 2008 — *Левкиевская Е. Е.* Быличка как речевой жанр // Кирпичики: Фольклористика и культурная антропология сегодня: Сборник статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М., 2008. С. 341—363.

Лурье 2002 — *Лурье М. Л., Разумова И. А.* Анализ структуры устных демонологических рассказов // Живая старина. 2002. № 2. С. 10—12.

Максимов 1994 — *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1994.

Неклюдов 1998 — *Неклюдов С. Ю.* Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm>

Неклюдов 2002 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорные традиции современного города. URL: <http://www.dvinaland.ru/culture/site/Publications/EoC/EoC2006-2/3.pdf>

Неклюдов 2003 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклор современного города // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 5—24.

Неклюдов 2005 — *Неклюдов С. Ю.* Структура и функция мифа // Современная российская мифология. М., 2005. С. 9—26.

Петренко 2013 — *Петренко С. Н.* Трансформация традиционных пространственных моделей в современном фольклоре // Шестые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в начале XXI столетия»: Материалы межд. науч. конф. Челябинск, 26—27 февр. 2013 г.: в 2-х ч. Ч. 1 / сост. Л. Н. Лазарева. Челябинск, 2013. С. 63—66.

Петров 2009 — *Петров Н. В.* Указатель мотивов легенд и преданий // Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров. М., 2009. С. 497—537.

Питина 2013 — *Питина С. А.* Центр и периферия мифологической картины мира // Шестые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры начала XXI века»: Материалы межд. науч. конф. Челябинск 26—27 февраля 2013 г.: в 2-х ч. Ч. 1 / сост. Л. Н. Лазарева. Челябинск, 2013.

Попов 2012 — *Попов А. В.* Символическая репрезентация образа горного Алтая в текстах региональной поэзии // Диалог культур: поэтика локального текста (Материалы III Межд. конф., г. Горно-Алтайск, 6—9 сентября 2012 г.). Горно-Алтайск, 2012. С. 27—30.

Разумова 2003 — *Разумова И. А.* Несказочная проза провинциального города // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 552.

Христофорова 2012 — *Христофорова О. Б.* О «чертовых воротах», просыпанной соли и «шарфике невезения», или магические практики в современном городе // Фольклористика и культурная антропология сегодня: тезисы и материалы Международной школы-конференции — 2012 / сост. А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов, Д. С. Николаев. М., 2012. С. 426—427.

Чередникова 1995 — *Чередникова М. П.* Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск, 1995.

Nenov 2013 — *Nenov N.* Фолклорни разкази за съкровища. Градски митове и места на памет // Yearbook of “Ongal” Association for Anthropology, Ethnology and Folklore Studies. 2013. № 11. URL: <http://www.ceeol.com/asp/issuedetails.aspx?issueid>

Сокращения

AA — Архив автора.

Summary. *The article is about some traditional motives in Southern Ural mythological prose of the XXI century and mythologization of events in the modern folk sphere through the example of the Chebarkulski meteorite fall.*

Key words: *urbal mythology, mythologisation event, rumors and gossip.*

УДК 82.3

ББК 398

Д. А. ПАНТЮХИН
(Москва)

ПЕПИТО И КУБИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АНЕКДОТАХ ИЗ ИНТЕРНЕТА

Аннотация. *В статье представлены анекдоты о Пепито и Кубинской революции, собранные в Интернете. Некоторые из выделенных 16 сюжетов сопровождаются комментариями. Данная статья является одним из первых шагов в исследовании столь популярного персонажа.*

Ключевые слова: *Пепито, Кубинская революция, кубинский фольклор, анекдот, Филадель Кастро.*

Одна из самых популярных юмористических программ кубинского телевидения называется «Pepito y sus amigos» («Пепито и его друзья»). В ней профессиональные комики рассказывают всевозможные анекдоты. С оглядкой на требования цензуры. Кто же такой Пепито? А. Прьето, занявший в 1997 г. пост министра культуры Кубы и в том же году опубликовавший книгу о политических анекдотах в странах социалистического блока, охарактеризовал его так: «Знаменитый Пепито, главный герой бесчисленных политических анекдотов на Кубе, своими остротами заявляет о недостатках, глупостях и нужде; <...> его дух бойкий, открытый, иногда жестокий <...>» [Prieto 1997, 58]. Говоря о значении Пепито для культуры острова, Прьето сопоставляет его с Эльпидио Вальдесем (Elpidio Valdés), очень популярным среди кубинцев героем мультфильмов о борьбе за независимость от испанской короны [Там же, 66].

Имя Пепито является уменьшительным от Пепе (другие варианты: Пепин, Пепийо), так в Испании обычно называют мужчин с именем Хосе [Kurz 1946, 551]. На Кубе подобная традиция также имеет место [Feijóo 1981b, 322]. Стоит отметить, что анекдоты, в которых появляется Пепито, совсем необязательно имеют политический характер. Единичные публикации, посвященные ему, со-

«Ничего так не бодрит, как с утра метеорит»: жизнь традиции в современной культуре